

■ ■ ■ Цифровые партисипативные технологии в деятельности законодательных органов инновационных регионов России*

Мартынова С.Э.¹, Туманян Г.В.²

1. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация.
2. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация.

Аннотация. В статье приводятся результаты исследования цифровых технологий законодательных органов субъектов Российской Федерации, направленных на совместное принятие решений с гражданами. Во внимание взяты инновационные регионы России. Такой выбор мотивирован тем, что самостоятельность и активность граждан, которая характеризует, в первую очередь, инновационные территории, создает благоприятные условия для развития технологий со-управления. Проанализирована практика партисипативного цифрового взаимодействия 17 регионов России, входящих в группы сильных и средне-сильных инноваторов. Источниками эмпирического материала стали официальные документы, разделы официальных сайтов, сообщения в социальных сетях, новостные сводки за период 2010-2020 гг. Выявлены ведущие формы электронного участия граждан в деятельности законодательных органов инновационных субъектов РФ. Результаты соотнесены с социальными характеристиками регионов и сопоставлены с опытом других стран. Кроме того, выделены факторы развития цифровых партисипативных технологий и цифровые компетенции государственных служащих.

Ключевые слова: публичное управление, партисипативность, законодательные органы, цифровые технологии, цифровые компетенции

Для цитирования: Мартынова С.Э., Туманян Г.В. Цифровые партисипативные технологии в деятельности законодательных органов инновационных регионов России // Коммуникология. 2022. Том 10. № 4. С. 71-93. DOI 10.21453/2311-3065-2022-10-4-71-93.

Сведения об авторах: Мартынова Светлана Эдуардовна – кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник экспертно-аналитического центра государственной и муниципальной службы Института «Высшая школа государственного управления» РАНХиГС; Туманян Гарник Вагинакович – аспирант факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Адрес: 119571, Россия, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: status.sm@mail.ru, tumangar@mail.ru.

Статья поступила в редакцию: 04.10.2022. *Принята к печати:* 21.11.2022.

* Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Введение. В статье приводятся результаты исследования цифровых технологий законодательных органов субъектов Российской Федерации, направленных на совместное принятие решений с гражданами. Новизна подходов определяется следующими обстоятельствами: (1) исследования, посвященные таким технологиям в работе именно законодательных органов, менее представлены в мировой научной литературе по сравнению с работами на материале исполнительных органов; (2) научное осмысление партисипативных цифровых технологий в деятельности законодательных органов направлено большей частью на вычленение и алгоритмизацию цифровых практик со-управления – накопление своеобразного «банка данных» об этих инструментах. Новый фокус внимания, который представлен в статье, – рассмотрение соответствия развитости информационно-коммуникационных технологий законодательных органов уровню самостоятельности и активности общества разных регионов.

Партисипативность как ведущий принцип современного публичного управления предполагает вовлеченность граждан в разработку и реализацию решений [Gonzalez et al.: 2024; Casula; Peltz; Font et al.; Dommett, Flinders: 1; De Vries et al.: 146, 154; Witesman, Walters; Barratt, Allison; Breuer, Groshek; Zheng; Scott, Carter; Bell, Scott; Campling et al.; Martynova, Evarovich]. Исследователи отмечают, что центральное положение органов власти больше не является данностью [Edelenbos et al.: 75], государство перестало выступать «одиночным игроком» [Zakrzewska: 533], а со-управление («объединенное управление» [Speer: 2380], «интерактивное управление» [Lees-Marshment: 26]) положительно влияет на развитие общества: повышается благосостояние и качество жизни населения [Pirralha: 329], прозрачность процесса принятия решений и представление об их законности, уровень знаний гражданских акторов [Theesfeld et al.: 675-676], ускоряются изменения [Fox: 179].

Обозначим теоретические положения, опираясь на которые мы определяем цель исследования, формируем методику и представляем интерпретацию полученных данных. В первую очередь, отметим, что партисипативность управления мотивирована социетальными изменениями, характерными для постиндустриального периода. Поскольку обладателем современных средств производства (знаниями, интеллектом, креативностью) выступил актер-индивид, это предопределило его самостоятельность как в экономической, так и в других общественных сферах. Центральная роль актора в постиндустриальной социальности [Toffler; Sztompka; Инглхарт; Touraine; Galbraith] стала исходной предпосылкой изменений парадигмы публичного управления. Самостоятельный и активный актер стремится за счет социального участия в управлении создать благоприятные условия для собственной самореализации.

Во-вторых, подчеркнем, что партисипативность становится принципом деятельности не только исполнительных, но и законодательных органов. В XXI веке

уже ставится под сомнение эффективность представительской демократии (Offe) и приветствуются прямые и многообразные формы участия, которые вписываются в сложную интерактивную природу процессов, проходящих под действием многих акторов и в постоянном диалоге [Edelenbos et al.: 76; Klierova, Kutik: 70; Callaghan, Wistow: 2289-2290].

В-третьих, отметим, что ключевым инструментом реализации партисипативности в настоящее время выступают информационно-коммуникационные технологии, которые, по мнению исследователей, преодолевают ограничения, связанные с традиционным участием общественности и, следовательно, увеличивают инклюзивность [Pflughoeft, Schneider]. Не случайно в этой связи внимание ООН к различным аспектам развития цифрового правительства¹. Уровень этого развития иллюстрируется несколькими глобальными рейтингами, составляемыми всемирными организациями: E-Government Development Index, E-Goverance Readiness Index, Networked Readiness Index, eParticipation Index. По последнему рейтингу страны оцениваются как раз с точки зрения вовлеченности граждан в выработку и принятие государственных решений.

В страновом аспекте использование цифровых технологий в деятельности законодательных органов представлено следующим образом: во многих государствах эти технологии реализуются, в совокупности составляя внушительный корпус цифровых инструментов со-управления. В пример можно привести Бразилию [Rossini, Maia], Колумбию², Великобританию [Macintosh], Эстонию³, Францию⁴, Канаду⁵ и др. Отмечаются такие формы электронного участия, как общественные обсуждения на сайтах законодательных органов [Rossini, Maia], электронные голосования [Macintosh], в т.ч. по обсуждаемым законопроектам с помощью приложений для мобильных устройств⁶, краудсорсинг идей и предложений по внесению проектов законов, поправок в законодательство на общественных сайтах, в при-

¹ United Nations E-Government Survey 2020. New York: United Nations [эл. ресурс]: [https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2020-Survey/2020%20UN%20E-Government%20Survey%20\(Full%20Report\).pdf](https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2020-Survey/2020%20UN%20E-Government%20Survey%20(Full%20Report).pdf) (дата обращения: 20.09.2022).

² Senado de Colombia lanza App oficial [эл. ресурс]: <https://seguimiento.co/colombia/senado-de-colombia-lanza-app-oficial-4758> (дата обращения: 20.09.2022).

³ About the Estonian people's Assembly in 2013 // Rahvakogu: официальный сайт. Estonia, 2020 [эл. ресурс]: <https://rahvakogu.ee/peoples-assembly-in-2013/> (дата обращения: 20.09.2022).

⁴ Plateforme // Cap Collectif [эл. ресурс]: <https://cap-collectif.com/plateforme> (дата обращения: 20.09.2022).

⁵ Participate // Parliament of Canada [эл. ресурс]: <https://www.ourcommons.ca/en/participate> (дата обращения: 20.01.2021).

⁶ Participacion // Senado de la Republica [эл. ресурс]: <http://www.senado.gov.co/index.php/participacion> (дата обращения: 20.09.2022).

ложениях и в соцсетях, создание электронных петиций и сбор цифровых подписей для изменения законов¹, совместное составление законопроектов на общественных платформах². На сайте Британского парламента представлен широкий спектр онлайн-возможностей для граждан участвовать в его работе и тем самым влиять на принятие решений: связь с депутатом парламента или лордом, высказывание мнений о законах, создание и подписание петиций, участие в деятельности комитетов и представление доказательств для расследования, регистрация для голосования³.

Заметим, что с точки зрения научного осмысления тема использования цифровых технологий в деятельности именно законодательных органов обладает новизной. В большем числе научных работ, рассматривающих цифровые технологии партисипативности, внимание уделено деятельности исполнительных органов. Исследования, посвященные таким технологиям в работе законодательных органов менее многочисленны и представляют собой скорее вычленение и алгоритмизацию цифровых практик со-управления – накопление своеобразного «банка данных» об этих инструментах. Новый фокус внимания, который мы предлагаем – рассмотрение соответствия развитости информационно-коммуникационных технологий законодательных органов уровню самостоятельности и активности общества разных регионов.

В отношении России можно сказать, что опыт ее законодательных органов в аспекте партисипативности в мировой научной литературе не представлен. В то же время данный вопрос является актуальным: дальнейшее развитие цифровых технологий реализации принципа партисипативности предусмотрено федеральным проектом «Цифровое государственное управление». В рамках этого проекта в 2018-2024 гг. предполагается внедрение цифровых технологий обратной связи и изучения общественного мнения, предоставление государственных и иных сервисов в цифровом виде, в том числе в сфере выборов⁴.

¹ About // Rahvaalgatus: официальный сайт. Estonia, 2020 [эл. ресурс]: <https://rahvaalgatus.ee/about> (дата обращения: 20.09.2022); e-Democracia Câmara dos Deputados [эл. ресурс]: <https://edemocracia.camara.leg.br>; Participacion // Senado de la Republica [эл. ресурс]: <http://www.senado.gov.co/index.php/participacion> (дата обращения: 20.09.2022).

² Plateforme // Cap Collectif [эл. ресурс]: <https://cap-collectif.com/plateforme> (дата обращения: 20.09.2022).

³ Get involved // UK Parliament: официальный сайт [эл. ресурс]: <https://www.parliament.uk/get-involved/> (дата обращения: 20.09.2022).

⁴ Паспорт федерального проекта «Цифровое государственное управление»: утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28.05.2019 № 9 [эл. ресурс]: https://digital.gov.ru/uploaded/files/pasport-federalnogo-proekta-tsifrovoye-gosudarstvennoe-upravlenie.pdf?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f (дата обращения: 20.09.2022).

Законодательные органы ряда субъектов Российской Федерации уже в предыдущих годах практиковали цифровые технологии взаимодействия с гражданами, в других субъектах начинается развитие таких партисипативных практик. Однако в научной литературе анализ использования цифровых инструментов партисипативности в деятельности законодательных органов именно регионов не представлен. Соответственно целью нашего исследования является выявление в деятельности органов законодательной власти субъектов России форм и технологий цифрового взаимодействия, направленных на совместное принятие решений с гражданами. Результаты этого изучения мы соотносим с социальными характеристиками регионов. Кроме того, российская практика законодательных органов сопоставлена с опытом других стран, а также выделены факторы развития цифровых партисипативных технологий и цифровые компетенции государственных служащих.

Материалы и методы

Поскольку цель исследования предполагает выявление цифровых технологий, материалом анализа послужил контент сайтов и социальных сетей законодательных органов 17 субъектов Российской Федерации в период 2010–2020 гг. Для поиска информации об использовании цифровых технологий партисипативного принятия решений были рассмотрены новостные сводки, официальные документы (указы, постановления, положения и т.д.); разделы официальных сайтов с обратной связью, опросами, обсуждениями (таблица 1).

Таблица 1. Число рассмотренных сообщений и документов по категориям информации / Number of messages and documents reviewed, by information category

Тип источника информации	Число рассмотренных источников
Уставы субъектов РФ	17
Положения об общественных советах	12
Нормативно-правовые акты о законодательных инициативах граждан	9
Положения о деятельности порталов органов власти	17
Иные нормативно-правовые акты	Около 100
Разделы сайтов законодательных органов власти	Около 100
Новостные сводки	Более 150
Социальные сети законодательных органов власти субъектов РФ	68

Для анализа социальных сетей взяты во внимание все наиболее популярные площадки такого типа (таблица 2).

Кроме того, дополнительно был использован метод запроса ключевых слов («опросы», «голосования», «общественные обсуждения», «общественные

Таблица 2. Виды социальных сетей / Social networks¹

Социальные сети и мессенджеры	Число рассмотренных аккаунтов законодательных органов
Instagram*	12
ВКонтакте	15
Одноклассники	4
Twitter	12
Facebook*	15
YouTube	8
Telegram	2

советы», «законодательная инициатива», «инициатива граждан», «участие граждан») применительно к каждому субъекту РФ в поисковой системе Google.

Фокус нашего внимания направлен на инновационные регионы. Такой выбор мотивирован тем, что самостоятельность и активность граждан, которую можно предположить, в первую очередь, на инновационных территориях, создает благоприятные условия для развития технологий со-управления. В Российской Федерации функционирует Ассоциация инновационного развития регионов России, рассчитывающая рейтинг инновационных субъектов РФ. В основе рейтинга лежат 4 группы показателей, в числе которых – социально-экономические условия инновационной деятельности. В результате исследования все регионы России распределяются на 5 групп по уровню инновационного развития: сильные инноваторы, средне-сильные, средние, средне-слабые, слабые². Для нашего исследования были выбраны регионы, входящие в группы сильных и средне-сильных инноваторов. В группе сильных инноваторов первые три региона выделены как лидеры рейтинга. Из группы средне-сильных инноваторов нами взяты во внимание те субъекты РФ, индекс инновационности которых равен или превышает показатель 0,50 (минимальное значение – 0,16, максимальное – 0,68). Таким образом, всего рассмотрено 17 регионов (таблица 3).

О социальной активности граждан ведущих инновационных регионов имеются многочисленные свидетельства, подтвержденные глобальными и национальными рейтингами, докладами Общественной палаты, данными социологических исследований. Приведем несколько примеров. Так, Москва фигурирует в группе лидеров глобального рейтинга по индексу развития электронного правительства

¹ Перечисленные социальные сети использовались органами власти в период проведения исследования (2010–2020 гг.).

² Рейтинг инновационных регионов России // Ассоциация инновационных регионов России [эл. ресурс]: <https://i-regions.org/reiting/rejting-innovatsionnogo-razvitiya> (дата обращения: 20.09.2022).

* Принадлежит Meta – включена в перечень экстремистских организаций 25 ноября 2022 года.

Таблица 3. Регионы России, имеющие индекс инновационности от 0,5 (2018 г.) / Regions of Russia with an innovation index of 0.5 or more (2018)

Ранг	Регион	Индекс инновационности	% от среднего
Лидеры рейтинга			
1	г. Санкт-Петербург	0,68	172,9%
2	Республика Татарстан	0,67	169,6%
3	г. Москва	0,65	166,4%
Сильные инноваторы			
4	Томская область	0,63	161,2%
5	Московская область	0,60	152,2%
6	Новосибирская область	0,58	148,6%
7	Калужская область	0,57	145,0%
8	Нижегородская область	0,55	140,8%
Средне-сильные инноваторы			
9	Ульяновская область	0,54	138,2%
10	Самарская область	0,54	137,2%
11	Тюменская область	0,53	133,9%
12	Республика Башкортостан	0,52	132,9%
13	Республика Мордовия	0,52	132,1%
14	Свердловская область	0,52	131,5%
15	Тульская область	0,51	128,8%
16	Ярославская область	0,50	127,5%
17	Воронежская область	0,50	126,7%

в городах по показателю привлечения граждан к электронному участию¹. Томск в 2010 г., 2020 г. отмечается как лидер в России по инициативности населения², город с высоким уровнем социального участия в принятии городских решений (Мартынова). Воронежская и Свердловская области в 2019 году вошли в первую десятку регионов РФ, где граждане активно выступают в защиту своих прав, требуют повышения качества публичных услуг³. Жители Республики Башкортостан в 2020 году продемонстрировали солидарность в вопросе сохранения природной территории гор — шиханов и повлияли на решение Главы республики⁴.

¹ UNE-Government Knowledgebase-City Data [эл. ресурс]: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Data/City> (дата обращения: 20.09.2022).

² Фонд Общественное мнение на XIII Томском Инновационном Форуме INNOVUS-2010: пресс-релиз 25.05.2010 // ФОМ: Фонд Общественное мнение. База данных ФОМ [эл. ресурс]: http://bd.fom.ru/report/map/fomterri/fomterry_pressr/fomter250510_pressr (дата обращения: 05.05.2021).

³ Рейтинг протестной активности регионов России, январь 2019 года // REGNUM [эл. ресурс]: <https://regnum.ru/news/polit/2568900.html> (дата обращения: 05.05.2021).

⁴ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2020 г. // Общественная палата Российской Федерации [эл. ресурс]: <http://report2020.oprf.ru>.

По показателю активности использования цифровых технологий, в том числе для взаимодействия с государством, Санкт-Петербург, Татарстан, Москва и Московская область в 2017 г. вошли в первую десятку регионов РФ¹.

Результаты

Данные нашего исследования, в первую очередь, представлены по каждому региону в отдельности, а затем типологизированы в сравнительном аспекте. Сравнение представлено между регионами РФ, а также между российской практикой и опытом других стран.

Результаты по регионам демонстрируют следующую картину. В группе лидеров рейтинга цифровые технологии реализации принципа партисипативности в деятельности законодательных органов выявлены в Республике Татарстан. Так, в данном субъекте практикуются общественные обсуждения проектов законов республики именно в онлайн-формате. Данная форма участия граждан закреплена Указом Президента Татарстана². Возможность общественного обсуждения предусмотрена на соответствующем разделе государственного информационного ресурса «Открытый Татарстан», где граждане вносят предложения, замечания либо высказывают мотивированное отношение к рассматриваемому проекту закона³. Такая партисипативная технология предусматривает следующие этапы: (1) комментарии граждан проходят премодерацию на соответствие правилам пользования информационным ресурсом; (2) в случае соответствия установленным нормам они публикуются в разделе «Обсуждения проекта закона»; (3) по истечении срока обсуждения все комментарии направляются в соответствующие комиссии; (4) комиссии готовят и публикуют экспертные заключения на основании полученных комментариев.

В практике Московской городской Думы выявлен только учет результатов онлайн-голосований на общественной платформе «Активный гражданин», инициированной Правительством Москвы. По итогам опросов на этой платформе принимаются как решения исполнительных органов, так и законы города Москвы⁴.

¹ Рейтинг регионов России по активности пользования интернетом // D-russia.ru [эл. ресурс]: <http://d-russia.ru/rejting-regionov-rossii-po-aktivnosti-polzovaniya-internetom.html>.

² О дополнительных гарантиях обеспечения независимой антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов органов государственной власти Республики Татарстан и учета общественного мнения при их подготовке: Указ Президента Республики Татарстан от 29.06.2017 № УП-575 // КонсультантПлюс: справ. правовая система [эл. ресурс]: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.05.2021).

³ Общественное обсуждение проектов законов Республики Татарстан // Открытый Татарстан [эл. ресурс]: <https://open.tatarstan.ru/documents/> (дата обращения: 12.04.2021).

⁴ О проекте // Активный гражданин [эл. ресурс]: <https://ag.mos.ru/about-new> (дата обращения: 08.02.2021).

В группе сильных инноваторов формы общественного участия в деятельности законодательных органов посредством цифровых технологий зафиксированы в Томской, Московской и Калужской областях. В Томской области законодательный орган практикует онлайн-опросы граждан с целью выявления их мнения по важным для общественности темам. Однако такая практика была характерна для периода 2015–2017 гг.¹ Кроме того, данный региональный парламент проводит публичные обсуждения в рамках проекта «43-й депутат – общественное мнение»². Такое название проекта мотивировано тем, что состав Законодательной Думы включает 42 депутата. Публичные обсуждения проходят на официальном сайте Думы. Благодаря данной практике были рассмотрены вопросы, касающиеся переименования улиц, развития студенческого движения, благоустройства, работы общественного транспорта и другие. Технология партисипативного участия подразумевает следующие этапы: (1) граждане предлагают вопросы для общественного обсуждения, (2) каждый вопрос проходит процедуру онлайн-голосования, (3) после обработки результатов экспертная группа создаёт соответствующий аналитический отчёт и размещает его на публичной странице проекта для ознакомления общественности.

Партисипативной практикой Московской областной Думы является проведение интернет-опросов на официальном сайте³ с технической защитой от «накрутки» голосов. Опросы подразумевают только выбор варианта ответа. Общественные обсуждения и комментарии, возможность до своего выбора увидеть распределение голосов и число проголосовавших не предусмотрены. Отчёты об использовании результатов опросов в принятии решений не публикуются.

Действующей партисипативной практикой, используемой Законодательным Собранием Калужской области, является проект «Народный закон»⁴. В рамках проекта предполагается, что граждане оставляют на сайте Законодательного Собрания свои замечания и предложения по готовящимся нормативно-правовым актам, что сводит проект от общественных обсуждений к сбору мнений граждан. Существует возможность проголосовать «за» либо «против» того или иного проекта нормативно-правового акта без оставления комментария. После го-

¹ Опросы // Законодательная Дума Томской области [эл. ресурс]: <https://duma.tomsk.ru/survey> (дата обращения: 12.04.2020).

² Сорок третий депутат – общественное мнение // Законодательная Дума Томской области: официальный сайт [эл. ресурс]: https://duma.tomsk.ru/content/43j_deputat_obshhestvennoe_mnenie (дата обращения: 12.04.2020).

³ Опросы // Московская областная Дума [эл. ресурс]: <http://www.mosoblduma.ru/Oprosi> (дата обращения: 12.04.2020).

⁴ Народный закон // Законодательное Собрание Калужской области: официальный сайт [эл. ресурс]: http://www.zskaluga.ru/popular_law/44/narodnyj_zakon.html (дата обращения: 12.04.2020).

лосования каждый может видеть результаты распределения голосов. В архиве проекта «Народный закон» выявлено 3 проекта документов, которые датировались 2011–2018 годами.

В группе средне-сильных инноваторов в рассматриваемом аспекте выделяются Ульяновская, Самарская, Тюменская, Тульская области, Республика Башкортостан. Законодательное Собрание Ульяновской области широко использует онлайн-опросы граждан. На всех страницах сайта этого органа с боковой стороны от основной информации предусмотрены онлайн-голосования. Вопросы для голосования связаны, в том числе, с принятием правовых актов, например, «Какая из поправок, по вашему мнению, должна быть обязательно закреплена в Уставе Ульяновской области?», «На что должны быть направлены, в первую очередь, бюджетные средства по проекту поддержки «местных инициатив»?» и другие. Опросы проводятся регулярно, располагаются на видном месте, у граждан есть возможность просматривать результаты всех голосований, проведенных ранее¹.

Самарская Губернская Дума активно вовлекает граждан в свою работу, предлагая на сайте следующие опции: «Взаимодействие с депутатом»; «Ваше мнение»; «Ваше участие»; «Правовая помощь»; «Официальные ресурсы думы»; «Дума в цифрах»². Отметим те формы участия, которые предусматривают интерактивное взаимодействие граждан и данного законодательного органа. Так, Самарская Губернская Дума периодически проводит онлайн-голосования на официальном сайте, выясняя мнение жителей по поводу направлений правового регулирования. Один из примеров – опрос о том, что необходимо сделать для восстановления ценных пород рыбы в водоемах Самарской области: принять программу развития, ужесточить меры наказания и прочее³. Жители Самарской области имеют возможность обсуждать проводимые голосования и их результаты, перейдя на официальную страницу Губернской Думы в социальной сети «ВКонтакте». Кроме опросов, в деятельности Самарской Губернской Думы предусмотрены общественные онлайн-обсуждения проектов законов⁴. Архив общественных обсуждений представлен периодом 2013–2018 гг. и насчитывает 7 проектов законов, которые не имеют ни одного комментария от граждан. Отметим, что не все законопроекты выносятся на общественные обсуждения. Так, несмотря на большой интерес граждан к закону об областном бюджете на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов, который насчитывает 3005 просмотров, данный закон размещен только для ознакомления.

¹ Законодательное Собрание Ульяновской области: официальный сайт [эл. ресурс]: <http://zsuo.ru> (дата обращения: 08.02.2021).

² Интернет-портал Самарской Губернской Думы и представительных органов муниципальных образований в Самарской области [эл. ресурс]: http://samgd.ru/~portal/wz_dialog (дата обращения: 08.02.2021).

³ Там же.

⁴ Общественные обсуждения // Самарская Губернская Дума [эл. ресурс]: <http://samgd.ru/~portal/discussions/bills/> (дата обращения: 12.04.2020).

Тюменская областная Дума имеет на своём сайте раздел «Голосование», где в период 2011–2016 гг. проводились опросы граждан¹. Однако в последние годы новых опросов не выявлено. Практика общественных обсуждений в деятельности Тюменской областной Думы отсутствует, но на официальном сайте существует раздел «Форумы», где граждане могут общаться по интересующим их вопросам, а их комментарии должны передаваться в соответствующие комитеты. Но данный ресурс не пользуется популярностью.

Государственное Собрание – Курултай Республики Башкортостан активно использует различные формы вовлечения граждан в законотворческую деятельность. На официальном сайте госсобрания имеется раздел «Опросы», с которого гражданин автоматически перенаправляется на сайт «Голос РБ»². Работа данного ресурса имеет нормативное закрепление³. Пройдя опрос, граждане могут увидеть его результаты, сравнить свои варианты ответов с общей инфографикой, посмотреть содержание и результаты архивированных опросов. Кроме того, госсобрание республики в законотворческом процессе использует практику общественных обсуждений на официальном сайте. В архивах сайта нами выявлено 7 нормативно-правовых актов, представленных на общественное обсуждение, в период 2015–2020 гг.⁴. В ходе общественного обсуждения есть возможность адресной коммуникации между гражданами, что подчеркивает дискуссионный характер коммуникаций и не сводит их только к сбору мнений граждан по тому или иному вопросу. Однако, какие вопросы вынести на рассмотрение общества и какие сроки обсуждения установить – решают сами органы власти в каждом случае отдельно. Нормативно закреплено только обязательное рассмотрение результатов обсуждений и их учет при разработке и принятии проектов законов.

Помимо перечисленных форм партисипативного участия Государственное Собрание Республики Башкортостан предоставляет гражданам право законодательной инициативы в рамках проекта «Прими участие в создании закона». На сайте Курултая можно заполнить и отправить специальную форму, предусматривающую предложение отдельных поправок, законов или просто инициативы, которые будут рассмотрены парламентариями. При этом от граждан не требуется самостоятельно разрабатывать проект закона, что предполагает юридическую подготовку и специальные знания в соответствующей сфере. Достаточно ясно

¹ Голосования // Тюменская областная Дума [эл. ресурс]: <http://www.duma72.ru/ru/arena/voting/> (дата обращения: 12.04.2020).

² Опросы // Голос Республики Башкортостан [эл. ресурс]: <https://golos.bashkortostan.ru/polls/> (дата обращения: 12.04.2020).

³ О портале «Голос Республики Башкортостан»: Указ Главы Республики Башкортостан от 22.08.2013 № УП-235 // КонсорциумКодекс: справ. правовая система [эл. ресурс]: <http://docs.cntd.ru/document/463507408> (дата обращения: 05.05.2020).

⁴ Обсуждение законопроектов // Государственное Собрание – Курултай Республики Башкортостан [эл. ресурс]: <https://gsrb.ru/ru/lawmaking/public-discussion/> (дата обращения: 05.05.2020).

изложить свою идею, выделив рациональное зерно. В случае, если предложение актуально и в целом реализуемо, разработка законопроекта на его основе будет вестись уже профильным парламентским комитетом¹.

В Тульской области существует возможность законодательной инициативы граждан, реализуемой посредством онлайн-технологий². Для рассмотрения инициативы необходима поддержка 25000 человек, имеющих активное избирательное право и проживающих на территории Тульской области. Законодательная инициатива оформляется и подаётся на рассмотрение через официальный портал государственных услуг Тульской области, где она должна получить необходимое количество голосов за 6 месяцев со дня опубликования на сайте. Полный перевод сбора подписей в онлайн-формат осложняет данный процесс, так как часть граждан не обладает умениями и необходимыми техническими средствами для этого. Также для поддержки инициативы требуется зарегистрированный и верифицированный аккаунт на описываемом портале, что создаёт дополнительные сложности. Жёсткие требования установлены для проверки подлинности голосов граждан: например, в случае, если выявлена недостоверная информация хотя бы об одном гражданине, рассмотрение проекта отклоняется.

В целом, сравнительные результаты нашего исследования партисипативных практик в деятельности законодательных органов 17 инновационных регионов России представлены в таблицах 3-5. Данные в таблицах сгруппированы по формам партисипативного участия: опросы, общественные обсуждения, законодательная инициатива граждан.

В отношении возможностей для граждан высказать свое мнение в онлайн-опросе можно констатировать, что в большинстве рассматриваемых регионов (11 из 17) эти возможности отсутствуют. Еще в двух регионах такая практика прекращена в 2016-2017 гг. Активно реализуется данная цифровая технология в Московской, Ульяновской и Самарской областях, Республике Башкортостан (таблица 4).

Общественные онлайн-обсуждения на официальных сайтах отсутствуют в деятельности также большинства (10 из 17) законодательных органов субъектов РФ. Еще в двух регионах такая форма со-управления предусмотрена, но не пользуется популярностью у граждан. Как примеры регулярного использования данной цифровой технологии можно привести только Республику Татарстан и Томскую область (таблица 5).

¹ Прими участие в создании закона // Государственное Собрание – Курултай Республики Башкортостан [эл. ресурс]: <http://gsrb.ru/ru/sozdaniye-zakona/> (дата обращения: 05.05.2020).

² О порядке реализации группой граждан Российской Федерации, проживающих на территории Тульской области, права законодательной инициативы: Принят Тульской областной Думой от 28.04.2016 № 24-ЗТО // КонсорциумКодекс: справ. правовая система [эл. ресурс]: <http://docs.cntd.ru/document/438883935> (дата обращения: 05.05.2020).

Таблица 4. Онлайн-опросы населения законодательным органом субъекта РФ / Online surveys of the population by the legislative body of the constituent entity of the Russian Federation

№	Субъект Федерации	Наличие/отсутствие практики
1	Санкт-Петербург	Отсутствует
2	Республика Татарстан	Отсутствует
3	Москва	Отсутствует
4	Томская область	Практика имеется, но данные о её реализации есть только до 2017 г.
5	Московская область	Практика активно реализуется
6	Новосибирская область	Отсутствует
7	Калужская область	Отсутствует
8	Нижегородская область	Отсутствует
9	Ульяновская область	Практика активно реализуется
10	Самарская область	Практика активно реализуется
11	Тюменская область	Практика имеется, но данные о её реализации есть только до 2016 г.
12	Республика Башкортостан	Практика активно реализуется
13	Республика Мордовия	Отсутствует
14	Свердловская область	Отсутствует
15	Тульская область	Отсутствует
16	Ярославская область	Отсутствует
17	Воронежская область	Отсутствует

Таблица 5. Общественные онлайн-обсуждения в деятельности законодательных органов субъектов РФ / Public online discussions in the activities of the legislative bodies of the constituent entities of the Russian Federation

№	Субъект Федерации	Наличие/отсутствие практики
1	Санкт-Петербург	Отсутствует
2	Республика Татарстан	Практика есть. Реализуется с обязательным обсуждением всех нормативно-правовых актов и имеет нормативное регулирование
3	Москва	Отсутствует
4	Томская область	Практика есть. Рассматриваются важные для общественности вопросы
5	Московская область	Отсутствует
6	Новосибирская область	Отсутствует
7	Калужская область	Практика есть, но не нашла активного применения. Сбор мнений граждан представляется как общественные обсуждения
8	Нижегородская область	Отсутствует
9	Ульяновская область	Отсутствует

Окончание табл. 5

№	Субъект Федерации	Наличие/отсутствие практики
10	Самарская область	Практика есть, но не пользуется популярностью у граждан
11	Тюменская область	Практика отсутствует, аналог в виде форума не пользуется популярностью у граждан
12	Республика Башкортостан	Практика есть, но вопросы на рассмотрение выносят органы власти
13	Республика Мордовия	Отсутствует
14	Свердловская область	Отсутствует
15	Тульская область	Отсутствует
16	Ярославская область	Отсутствует
17	Воронежская область	Отсутствует

Возможности реализации законодательной инициативы, предложения законопроекта посредством использования цифровых технологий не выявлены почти у всех органов законодательной власти. Единственным регионом, практикующим такую форму социального участия, является Республика Башкортостан (таблица 6).

Таблица 6. Онлайн-реализация законодательной инициативы граждан / Online implementation of citizens' legislative initiative

№	Субъект Федерации	Наличие/отсутствие практики
1	Санкт-Петербург	Отсутствует (есть только офлайн)
2	Республика Татарстан	Отсутствует
3	Москва	Отсутствует (есть только офлайн)
4	Томская область	Отсутствует (есть только офлайн)
5	Московская область	Отсутствует
6	Новосибирская область	Отсутствует
7	Калужская область	Отсутствует
8	Нижегородская область	Отсутствует (есть только офлайн)
9	Ульяновская область	Отсутствует
10	Самарская область	Отсутствует
11	Тюменская область	Отсутствует
12	Республика Башкортостан	Одновременно реализуются и онлайн, и офлайн-практики
13	Республика Мордовия	Отсутствует
14	Свердловская область	Отсутствует (предусмотрена только офлайн)
15	Тульская область	Есть
16	Ярославская область	Отсутствует (есть только офлайн)
17	Воронежская область	Отсутствует

В отношении использования партисипативных форм взаимодействия в соц-сетях отметим, что несмотря на наличие аккаунтов у всех законодательных органов (таблица 7), эти площадки используются только для публикации новостей или справочной информации.

Таблица 7. Распределение аккаунтов законодательных органов в социальных сетях по регионам¹ / Distribution of legislative accounts in social networks by region

Субъект Федерации	Instagram*	ВК	Одно-классники	Twitter	FB*	YouTube	Telegram
Санкт-Петербург	+	+		+		+	
Республика Татарстан	+			+	+	+	
Москва	+	+		+	+	+	
Томская область		+		+	+		
Московская область	+	+	+	+	+	+	
Новосибирская область	+	+		+	+		
Калужская область	+	+	+	+	+	+	+
Нижегородская область	+	+		+	+	+	
Ульяновская область		+	+	+	+		
Самарская область	+	+		+	+		
Тюменская область		+		+	+	+	
Республика Башкортостан	+	+			+		
Республика Мордовия		+					
Свердловская область	+				+	+	
Тульская область	+	+			+		
Ярославская область		+		+	+		
Воронежская область	+	+	+		+		+

¹ Перечисленные социальные сети использовались органами власти в период проведения исследования.

* Принадлежит Meta – включена в перечень экстремистских организаций 25 ноября 2022 года.

Обсуждение

В первую очередь, соотнесем спектр цифровых технологий партисипативности, используемых российскими органами законодательной власти, с формами электронного участия в других странах. С этой точки зрения можно констатировать, что российская практика значительно отстает от мировой. В единичных случаях выявлено использование онлайн-опросов, онлайн-обсуждений, онлайн-реализаций законодательной инициативы граждан. Краудсорсинг идей и предложений по внесению проектов законов или поправок практикует только один законодательный орган. Такие формы электронного участия граждан, отмеченные в других странах, как создание электронных петиций и сбор цифровых подписей для изменения законов, совместное составление законопроектов на общественных платформах, участие в деятельности комитетов и представление доказательств для расследования ни в одном из инновационных регионов РФ не обнаружены.

Обращает на себя внимание отсутствие многоканальности для проявления партисипативности: ни в социальных сетях (выявлен только один орган, предоставляющий такую возможность), ни с помощью приложений граждане не могут участвовать в деятельности законодательных органов. Общественные платформы, становящиеся в других странах площадками для взаимодействия граждан в законотворчестве, не являются характерными для коммуникаций в РФ. В целом те или иные цифровые технологии реализации партисипативности выявлены только в 8 субъектах из 17.

Соотнесем активность законодательных органов регионов в плане развития электронного участия со степенью инновационности субъекта РФ. Прямой связи в этом отношении не наблюдается. Так, среди лидеров рейтинга регионов России с индексом инновационности от 0,5 только законодательный орган Республики Татарстан по своей инициативе внедряет цифровые технологии партисипативности. В то же время Республика Башкортостан, занимающая 6-е место от конца этого рейтинга, практикует все формы электронного участия граждан и имеет общественный портал.

В целом, на социальную активность жителей инновационных регионов законодательные органы, вероятно, не ориентируются. Так, несмотря на активность граждан Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежской и Свердловской областей, отмеченную в различных рейтингах, в том числе в рейтинге по показателю использования цифровых технологий, законодательные органы этих субъектов не практикуют электронные формы партисипативного участия. Между тем развитие партисипативности может сыграть роль, в том числе, и в переводе протестных настроений в конструктивное русло. Таким образом, развитие технологий управления со стороны законодательных органов этих регионов отстает от потребностей социума. В большей степени адекватное развитию общества состояние технологий управления можно отметить в Республике Башкортостан.

Обратим внимание еще на один аспект: в какой мере цифровые технологии самоуправления в российских регионах соответствуют принципу партисипативности. С этой точки зрения отметим технологии, которые предусматривают возможность для граждан проявить инициативу и высказать свое мнение без особых ограничений со стороны органов власти. К проявлению таких технологий в онлайн-обсуждениях отнесем возможность выбора вопроса или проекта для обсуждения, интересных именно обществу, возможность коммуникаций между гражданами, рассмотрение всех предложений и замечаний в комиссиях и комитетах законодательного органа, публикацию заключений на основании полученных комментариев и учет мнения граждан при разработке законов. В отношении онлайн-опросов в большей степени партисипативны технологии, которые предусматривают, что вопросы на голосование предлагают сами граждане, а после обработки результатов отчет размещается в открытом доступе. Вовлекающей больше граждан в генерирование предложений относительно проектов законов выступает такая технология, которая предусматривает только обоснованное изложение своей идеи.

В то же время не в полной мере отвечает принципу партисипативности проведение онлайн-голосований и обсуждений по вопросам, определенным законодательным органом, с выбором ответа из вариантов, предложенных этим же органом, отсутствие возможности обсуждения темы и отсутствие публичного отчета. В отношении возможности для граждан предложить свои идеи для законопроекта ограничительными факторами являются многоступенчатая процедура с жестким исключением инициатив по формальным признакам, отсутствие возможностей для сбора подписей сразу в онлайн-формате.

Представляется важным выделить в проявлениях партисипативности еще такой аспект, как нормативное закрепление обязанности законодательных органов учитывать мнения граждан при разработке законов. Такие документы приняты в республиках Татарстан и Башкортостан. В целом, наиболее полным воплощением принципа партисипативности можно считать технологии, практикуемые в этих республиках.

Обратим также внимание на то, в какой степени партисипативные цифровые технологии, предлагаемые законодательными органами, реализуются ими регулярно и востребованы гражданами. Рассмотренные материалы позволяют говорить о том, что в ряде регионов практика электронного участия со временем проявляется в меньшей степени. Так, онлайн-опросы уже не проводятся в последние 3-4 года в 2 регионах (Томская, Тюменская область), и это при том, что в большинстве рассматриваемых субъектов (11) такой практики вообще нет. Однако примеры других регионов (Самарская, Ульяновская области) демонстрируют, напротив, дальнейшее развитие таких форм электронного участия.

Архивы общественных онлайн-обсуждений составляет немногочисленный корпус документов (3-7), в большинстве случаев относящихся к периоду не позже 2018 г. (Калужская, Самарская область). Регулярность онлайн-обсуждений вплоть до настоящего времени выявлена в Республике Башкортостан.

Считаем нужным отметить, что при наличии стремления законодательного органа к взаимодействию с гражданами наблюдается высокая активность жителей в использовании форм электронного участия. Например, на вопрос о правовом регулировании для восстановления ценных пород рыб в Самарской области ответили 855 чел.¹. Заметим, что выборка количественного социологического опроса со стандартной погрешностью (3-5%) составляет 400-600 чел.

В этой связи мы обращаем внимание на факторы, способствующие развитию электронных партисипативных технологий. Присоединимся к мнению исследователей (Погодина, Манохин) о том, что препятствием к активной вовлеченности в цифровое партисипативное взаимодействие является не только (и не столько) недостаток мотивации граждан. На наш взгляд, одним из решающих факторов выступает осознание со стороны законодательного органа необходимости партисипативного взаимодействия с гражданами, ориентация на потребности общества и наличие цифровых компетенций у государственных служащих. В данном случае мы подразумеваем не только уверенные навыки владения техникой и программным обеспечением. Исходя из содержания цифровых партисипативных технологий, проанализированного выше, можно обозначить такие компетенции, как:

- владение социальными онлайн-технологиями вовлечения граждан в какой-либо проект, например, с помощью социальной рекламы и информационных кампаний;
- навыки проведения онлайн-консультаций;
- умение организовать и модерировать краудсорсинг и онлайн-дискуссии с целью выработки согласия;
- навыки количественного и качественного анализа больших данных и подготовки аналитических отчетов, отражающих понимание сложности многоакторного общества и не сводящихся к простому подсчету распределения голосов.

Выводы. Подытожим основные выводы исследования. Так, ведущими формами электронного участия граждан в деятельности законодательных органов субъектов РФ выступают онлайн-опросы, онлайн-обсуждения и онлайн-подача предложений законопроектов. Спектр цифровых партисипативных технологий в России на региональном уровне является более узким по сравнению с мировой практикой. Отсутствуют наиболее показательные формы участия, предусматривающие правотворчество граждан во взаимодействиях друг с другом: создание электронных петиций и сбор цифровых подписей для изменения законов, совместное составление законопроектов на общественных платформах. Кроме того, нормативное закрепление обязанности законодательных органов учитывать мнения граждан при разработке законов проведено в единичных регионах.

Такой современный тренд, как многоканальность коммуникаций, осуществляемых не только посредством официальных сайтов, но и в социальных сетях

¹ Опрос // Самарская Губернская Дума: официальный сайт [эл. ресурс]: http://samgd.ru/another_poll/?archive=1 (дата обращения: 08.02.2022).

и с помощью приложений, практически не представлен в деятельности законодательных органов субъектов РФ.

Однако следует признать, что партисипативная практика законодательных органов российских регионов развивается неравномерно: в отдельных субъектах наблюдается использование нескольких форм электронного участия граждан и непрерывность их применения, в других (большинстве) – отсутствие тех или иных цифровых технологий реализации принципа партисипативности и сокращение со временем их числа.

Прямой зависимости внедрения современных технологий со-управления с уровнем развития социума на той или иной территории не выявлено. Несмотря на инновационный статус рассмотренных регионов в большинстве случаев технологии управления не соответствуют современному уровню развитию общества. Стремление к инновационным практикам скорее зависит от степени осознания государственными служащими законодательных органов необходимости трансформации технологий и наличия цифровых компетенций. Цифровые компетенции должны проявляться, прежде всего, в способности государственного служащего вести коммуникации в многоакторном обществе в онлайн-формате, создавая условия для реализации инициативы именно граждан (а не органа власти), делать выводы для принятия решений, адекватные сложности современного социума.

Источники

- Инглхарт Р. (1997). Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. Политические исследования. № 4. С. 6-33.
- Мартынова С.Э. (2020). Партисипативное принятие городских решений: правовые ожидания граждан // Государственная власть и местное самоуправление. № 12. С. 50-56.
- Погодина И.В., Манохин В.С. (2020). Платформы органов власти как инструменты электронного участия: зарубежный опыт // Государственная власть и местное самоуправление. № 12. С. 57-60.
- Barratt C., Allison E.H. (2014). Vulnerable people, vulnerable resources? Exploring the relationship between people's vulnerability and the sustainability of community-managed natural resources. *Development Studies Research*. Vol. 1. No. 1. P. 16-27.
- Bell E., Scott T.A. (2020). Common institutional design, divergent results: A comparative case study of collaborative governance platforms for regional water planning. *Environmental Science and Policy*. Vol. 111. P. 63-73.
- Breuer A., Groshek J. (2017). Assessing the Potential of ICTs for Participatory Development in Sub-Saharan Africa with Evidence from Urban Togo. *International Journal of Politics, Culture, and Society*. No. 30. P. 349-368.
- Callaghan G., Wistow G. (2006). Governance and public involvement in the British National Health Service: Understanding difficulties and developments. *Social Science & Medicine*. No. 63:9. P. 2289-2300.
- Campling P. et al. (2021). A multi-actor, participatory approach to identify policy and technical barriers to better farming practices that protect our drinking water sources. *Science of The Total Environment*. Vol. 755. Part 2. 142971.
- Casula M. (2015). Opportunity Structures for Citizens' Participation in Italian Regions: A Case Study. *Journal of Public Deliberation*: Vol. 11. Iss. 2. Article 6.
- De Vries H., Bekkers V., Tummers L. (2016). Innovation in the public sector: a systematic review and future research agenda. *Public Administration*. Vol. 94, No. 1. P. 146-166.

- Dommett K., Flinders M. (2015). The Centre Strikes Back: Meta-Governance, Delegation, and the Core Executive in the United Kingdom, 2010-14. *Public Administration*. Vol. 93. No. 1. P. 1-16.
- Edelenbos J., van Schie N., Gerrits L. (2010). Organizing interfaces between government institutions and interactive governance. *Policy Sciences*. No. 43. P. 73-94. DOI 10.1007/s11077-009-9086-2.
- Font J., Pasadas del Armo S., Smith G. (2016). Tracing the Impact of Proposals from Participatory Processes: Methodological Challenges and Substantive Lessons. *Journal of Public Deliberation*. Vol. 12: Iss. 1. Article 3.
- Fox C. (2015). Political Authority, Practical Identity, and Binding Citizens. *International Journal of Philosophical Studies*. Vol. 23, No. 2. P. 168-186.
- Galbraith J.K. (1973). *Economics and the Public Purpose*. Boston: Houghton Mifflin Company.
- Gonzalez R., Llopis J., Gasco J. (2013). Innovation in public services: The case of Spanish local government. *Journal of Business Research*. No. 66. P. 2024-2033.
- Klierova M., Kutik J. (2017). One Stop Government – Strategy of Public Services for Citizens and Businesses in Slovakia. *Administratie si Management Public*. № 28. P. 66-80.
- Lees-Marshment J. (2016). Deliberative Political Leaders: The Role of Policy Input in Political Leadership. *Politics and Governance*. Vol. 4. Issue 2. P. 25-35. DOI: 10.17645/pag.v4i2.560.
- Macintosh A. (2004). Characterizing e-participation in policy-making. 37th Annual Hawaii International Conference on System Sciences, 2004. Proceedings of the (2004).
- Martynova S.E. Evarovich S.A. (2018). Participative HR-technologies in governance of Russian regions. *Space and Culture*. No. 6 (4). P. 36-47.
- Offe C. (2017). Referendum vs. Institutionalized Deliberation: What Democratic Theorists Can Learn from the 2016 Brexit Decision. *Daedalus*. No. 3. P. 14-27.
- Peltz E. (2016). Review of Public Participation for 21st Century Democracy by Tina Nabatchi and Matt Leighninger (San Francisco: Jossey-Bass, 2015). *Journal of Public Deliberation*. Vol. 12. Iss. 1. Article 9.
- Pflughoeft B., Schneider I. (2020). Social media as E-participation: Can a multiple hierarchy stratification perspective predict public interest? *Government Information Quarterly*. Vol. 37. No. 1. Article 101422.
- Pirralha A. (2017). Political Participation and Wellbeing in the Netherlands: Exploring the Causal Links. *Applied Research Quality Life*. No. 12. P. 327-341. DOI 10.1007/s11482-016-9463-x.
- Rossini P.G., Maia R.C. (2014). Is political participation online effective: A case study of the e-democracy initiative conducted by the Brazilian chamber of deputies. In: *Handbook of Research on Advanced ICT Integration for Governance and Policy Modeling*. No. 1. P. 345-366.
- Speer J. (2012). Participatory Governance Reform: A Good Strategy for Increasing Government Responsiveness and Improving Public Services? *World Development*. Vol. 40. No. 12. P. 2379-2398.
- Scott T.A., Carter D.P. (2019). Collaborative governance or private policy making? When consultants matter more than participation in collaborative environmental planning. *Journal of Environmental Policy and Planning*. Vol. 21. Issue 2. P. 153-173.
- Sztompka P. (2006). New perspectives on trust: Review essay. *American Journal of Sociology*. Vol. 112, No. 3. P. 905-919.
- Theesfeld I., Duffhues T., Buchenrieder G. (2017). The effects of rules on local political decision-making processes: How can rules facilitate participation? *Policy Science*. No. 50. P. 675-696. DOI 10.1007/s11077-017-9284-2.
- Toffler A. (1980). *The third wave*. New York: Morrow.
- Touraine A. (2007). Sociology after sociology. *European Journal of Social Theory*. No. 10(2). P. 184-193.
- Witesman E., Walters L. (2015). Modeling Public Decision Preferences Using Context-Specific Value Hierarchies. *American Review of Public Administration*. Vol. 45 (1). P. 86-105. DOI: 10.1177/0275074014536603.

Zakrzewska M. (2017). The role of social participation in the concept of good governance – a theoretical approach. *Public policy and Administration*. Vol. 16. No. 4. P. 529-537. DOI: 10.13165/V PA-17-16 – 4 – 01.

Zheng Y. (2017). Explaining Citizens' E-Participation Usage: Functionality of E-Participation Applications. *Administration and Society*. No. 3. P. 423-442.

■ ■ ■ Digital Participatory Technologies in the Activities of Legislative Bodies of Innovative Regions of Russia*

Martynova S.E.¹, Tumanyan G.V.²

1. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia.

2. Lomonosov Moscow State University (MSU), Moscow, Russia.

Abstract. The article represents the results of a study of digital technologies of the legislative bodies of the constituent entities of the Russian Federation, aimed at joint decision-making with the participation of citizens. A new focus of attention is the consideration of the compliance of the development of information and communication technologies of legislative bodies with the level of independence and activity of society in different regions, while the current study is dedicated to the most innovative regions of Russia. This choice is motivated by the fact that the independence and activity of citizens, that is characteristic for innovative territories, creates favorable conditions for the development of co-management technologies. The authors analyse the practice of participatory digital interaction of 17 Russian regions included in the groups of strong and medium-strong innovators. The study is based on the analysis of the official documents, relevant sections of official websites, messages on social networks, and news reports for the period 2010–2020. This allowed to determine the major forms of electronic participation of citizens in the activities of the legislative bodies of innovative subjects of the Russia. The results are correlated with the social characteristics of regions and compared with the experience of other countries.

Keywords: participation, legislative authorities, digital technologies, digital competencies

For citation: Martynova S.E., Tumanyan G.V. (2022). Digital participatory technologies in the activities of legislative bodies of innovative regions of Russia. *Communicology (Russia)*. Vol. 10. No. 4. P. 71-93. DOI: 10.21453/2311-3065-2022-10-4-71-93.

Inf. about the authors: Martynova Svetlana Eduardovna – CandSc (Philol.), Associate Professor, Leading Researcher at the Expert and Analytical Center for State and Municipal Service of the Institute Graduate School of Public Administration, RANEPA; Tumanjan Garnik Vaginakovich – postgraduate student of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University. Address: 119571, Russia, Moscow, Vernadsky ave, 82. E-mail: status.sm@mail.ru, tumangar@mail.ru.

Received: 04.10.2022. *Accepted:* 21.11.2022.

* The study is realised within the RANEPA state assignment research programme.

References

- Barratt C., Allison E.H. (2014). Vulnerable people, vulnerable resources? Exploring the relationship between people's vulnerability and the sustainability of community-managed natural resources. *Development Studies Research*. Vol. 1. No. 1. P. 16-27.
- Bell E., Scott T.A. (2020). Common institutional design, divergent results: A comparative case study of collaborative governance platforms for regional water planning. *Environmental Science and Policy*. Vol. 111. P. 63-73.
- Breuer A., Groshek J. (2017). Assessing the Potential of ICTs for Participatory Development in Sub-Saharan Africa with Evidence from Urban Togo. *International Journal of Politics, Culture, and Society*. No. 30. P. 349-368.
- Callaghan G., Wistow G. (2006). Governance and public involvement in the British National Health Service: Understanding difficulties and developments. *Social Science & Medicine*. No. 63:9. P. 2289-2300.
- Campling P. et al. (2021). A multi-actor, participatory approach to identify policy and technical barriers to better farming practices that protect our drinking water sources. *Science of The Total Environment*. Vol. 755. Part 2. 142971.
- Casula M. (2015). Opportunity Structures for Citizens' Participation in Italian Regions: A Case Study. *Journal of Public Deliberation*: Vol. 11. Iss. 2. Article 6.
- De Vries H., Bekkers V., Tummers L. (2016). Innovation in the public sector: a systematic review and future research agenda. *Public Administration*. Vol. 94, No. 1. P. 146-166.
- Dommett K., Flinders M. (2015). The Centre Strikes Back: Meta-Governance, Delegation, and the Core Executive in the United Kingdom, 2010-14. *Public Administration*. Vol. 93. No. 1. P. 1-16.
- Edelenbos J., van Schie N., Gerrits L. (2010). Organizing interfaces between government institutions and interactive governance. *Policy Sciences*. No. 43. P. 73-94. DOI 10.1007/s11077-009-9086-2.
- Font J., Pasadas del Amo S., Smith G. (2016). Tracing the Impact of Proposals from Participatory Processes: Methodological Challenges and Substantive Lessons. *Journal of Public Deliberation*. Vol. 12: Iss. 1. Article 3.
- Fox C. (2015). Political Authority, Practical Identity, and Binding Citizens. *International Journal of Philosophical Studies*. Vol. 23, No. 2. P. 168-186.
- Galbraith J.K. (1973). *Economics and the Public Purpose*. Boston: Houghton Mifflin Company.
- Gonzalez R., Llopis J., Gasco J. (2013). Innovation in public services: The case of Spanish local government. *Journal of Business Research*. No. 66. P. 2024-2033.
- Inglehart R. (1997). Postmodern: changing values and changing societies. *Polis. Political studies*. No. 4. P. 6-33 (In Rus.).
- Klierova M., Kutik J. (2017). One Stop Government – Strategy of Public Services for Citizens and Businesses in Slovakia. *Administratívni Management Public*. № 28. P. 66-80.
- Lees-Marshment J. (2016). Deliberative Political Leaders: The Role of Policy Input in Political Leadership. *Politics and Governance*. Vol. 4. Issue 2. P. 25-35. DOI: 10.17645/pag.v4i2.560.
- Macintosh A. (2004). Characterizing e-participation in policy-making. 37th Annual Hawaii International Conference on System Sciences, 2004. Proceedings of the (2004).
- Martynova S.E. (2020). Participatory urban decision-making: legal expectations of citizens. State power and local self-government. No. 12. P. 50-56 (In Rus.).
- Martynova S.E. Evarovich S.A. (2018). Participative HR-technologies in governance of Russian regions. *Space and Culture*. No. 6 (4). P. 36-47.
- Offe C. (2017). Referendum vs. Institutionalized Deliberation: What Democratic Theorists Can Learn from the 2016 Brexit Decision. *Daedalus*. No. 3. P. 14-27.

Peltz E. (2016). Review of Public Participation for 21st Century Democracy by Tina Nabatchi and Matt Leighninger (San Francisco: Jossey-Bass, 2015). *Journal of Public Deliberation*. Vol. 12. Iss. 1. Article 9.

Pflughoeft B., Schneider I. (2020). Social media as E-participation: Can a multiple hierarchy stratification perspective predict public interest? *Government Information Quarterly*. Vol. 37. No. 1. Article 101422.

Pirralha A. (2017). Political Participation and Wellbeing in the Netherlands: Exploring the Causal Links. *Applied Research Quality Life*. No. 12. P. 327-341. DOI 10.1007/s11482-016-9463-x.

Pogodina I.V., Manokhin V.S. (2020). Platforms of authorities as tools of electronic participation: foreign experience. *State power and local self-government*. No. 12. P. 57-60 (In Rus.).

Rossini P.G., Maia R.C. (2014). Is political participation online effective: A case study of the e-democracy initiative conducted by the Brazilian chamber of deputies. In: Handbook of Research on Advanced ICT Integration for Governance and Policy Modeling. No. 1. P. 345-366.

Scott T.A., Carter D.P. (2019). Collaborative governance or private policy making? When consultants matter more than participation in collaborative environmental planning. *Journal of Environmental Policy and Planning*. Vol. 21. Issue 2. P. 153-173.

Speer J. (2012). Participatory Governance Reform: A Good Strategy for Increasing Government Responsiveness and Improving Public Services? *World Development*. Vol. 40. No. 12. P. 2379-2398.

Sztompka P. (2006). New perspectives on trust: Review essay. *American Journal of Sociology*. Vol. 112, No. 3. P. 905-919.

Theesfeld I., Dufhues T., Buchenrieder G. (2017). The effects of rules on local political decision-making processes: How can rules facilitate participation? *Policy Science*. No. 50. P. 675-696. DOI 10.1007/s11077-017-9284-2.

Toffler A. (1980). The third wave. New York: Morrow.

Touraine A. (2007). Sociology after sociology. *European Journal of Social Theory*. No. 10(2). P. 184-193.

Witesman E., Walters L. (2015). Modeling Public Decision Preferences Using Context-Specific Value Hierarchies. *American Review of Public Administration*. Vol. 45 (1). P. 86-105. DOI: 10.1177/0275074014536603.

Zakrzewska M. (2017). The role of social participation in the concept of good governance – a theoretical approach. *Public policy and Administration*. Vol. 16. No. 4. P. 529-537. DOI: 10.13165/V PA-17-16 – 4 – 01.

Zheng Y. (2017). Explaining Citizens' E-Participation Usage: Functionality of E-Participation Applications. *Administration and Society*. No. 3. P. 423-442.